

БИБЛИОТЕКА
УТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

НА ГОРУ
КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

Выпуск 2

Пермское книжное издательство
Пермь-1959

Б И Б Л И О Т Е К А

ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

М. ЗАПЛАТИН

НА ГОРУ
КАМЕННЫХ ИДолов

Автор этой книги Михаил Александрович Заплатин — кинооператор Московской студии документальных фильмов, наш земляк, он рос и учился в Перми. Немало увлекательных путешествий пришлось совершить ему с киноаппаратом в самые далекие уголки нашей Родины. Об одном из них М. Заплатин и пишет в книге «На гору каменных идолов». Это интересный рассказ о путешествии на гору Мань-Пупы-Нёр, расположенную неподалеку от северных границ Пермской области, в Коми АССР.

Художник Ю. К. Лихачев

Свердловская киностудия снимала два научно-популярных фильма «Рассказ о камне» и «Каменные загадки». В качестве одного из операторов я был приглашен участвовать в съемках, которые проводились в Крыму, на Кавказе и на Урале.

По сценарию предполагался эпизод о причудливых фигурах выветривания на одной из гор Северного Урала со странным названием Мань-Пупы-Нёр, у самого истока реки Печоры.

К началу съемок утвердилось мнение, что экспедиция в этот район неосуществима, трудна, требует много расходов и времени, и поэтому эпизод о каменных фигурах было решено снимать в макете.

— В макете изобразить природу? И тем более такое исключительное место! Это кощунство, — так я и заявил режиссеру. Он улыбнулся, пожал плечами и сослался на смету.

После съёмок в Крыму разговор о Мань-Пупы-Нёре неожиданно возобновился. Выяснилось, что отпала необходимость поездки в Армению, тем самым образовалась экономия средств, а это давало возможность организовать экспедицию на север Урала, к причудливым скалам.

Первые сведения о Мань-Пупы-Нёре мы получили в Уральском геологическом музее. В 1937 году группа научных работников совершила экспедицию на эту гору и снятые тогда фотографии были единственным документом об интересном явлении природы на вершинах Северного Урала. Сам автор фотографий, геолог Юрий Павлович Аргентовский, давно умер. Фотографии были пересняты на нашей студии и выглядели очень неважно.

Нанесли мы визит и в Уральское геологическое управление, к главному геологу Аладинскому. Он заинтересовался нашими планами. Оказывается, даже бывалые геологи очень смутно представляют о существовании каких-то столбов на севере Урала.

Аладинский снабдил нас картой. В беседе с ним выяснилось, что в Ивделе есть самолеты, обслуживающие Уральскую северную экспедицию, которые могут доставить нас в Усть-Манью. Из Усть-Мани на Уральский хребет можно пройти только пешком или на лошадях. Единственный путь, пролегающий в этом районе, — заброшенная оленья тропа, проходящая по глухой тайге от Березова до реки Илыч. Нам предстоит идти по тайге или по руслу реки Мани до оленьей тропы и по ней в сторону Урала. На самом хребте от оленьей тропы отходит просто тропа, обозначенная на карте пунктиром. По ней следует подняться на хребет и, перевалив его, спуститься к истоку Печоры. За длиной Печоры возвышается гора Мань-Пупы-Нёр.

Таков путь: добрых 100—120 километров. По карте видно, что здесь глушь, ни единого домика...

В последний момент выяснилось, что в экспедицию мы едем только двое: кинооператор и администратор.

Через несколько дней стартовавший в Ивделе самолет АН-2 поднял нас в воздух и взял курс на север. Слева в дымке маячил Уральский хребет с цепочкой голых каменистых вершин. Кругом потянулись бесконечные леса и болота. Мой спутник преспокойно заснул, не реагируя на болтанку.

Через сорок минут показалась извилистая река Северная Сосьва. Рябили на солнце перекаты, белые барашки отчетливо виднелись на порогах. Местами по берегам возвышались скалы. Неожиданно у реки показалися домики Усть-Маньи. Самолет, сделав резкий крен, пошел на снижение. Вскоре мы сели на небольшой луг, на краю которого стояла группа людей.

Нашу аппаратуру быстро выгрузили. Женщина с ребенком села в самолет и провожающие подали ей завернутую в газету глухарку. Эта деталь сразу дала понять, что здесь север — край лесов и дичи. Глухар-

ку сунули в самолет так, как у нас второпях преподнесли бы отъезжающим вареную курицу.

Надо было позаботиться о том, чтобы получить лошадей и найти проводника. Оставив администратора Сашу у вещей, я пошел в сопровождении местного жителя — коми по национальности — в поселок. Дорогой мы разговорились. Оказалось, что мой спутник очень хорошо знает район горы Мань-Пупы-Нёр и знаменитые столбы-богатыри на ее вершине. Он даже жил там в юрте, несколько сезонов пас стада оленей на склонах горы. По его словам, верховья Печоры и других речек исключительно богаты рыбой, хариус там просто кишит. Я слушал буквально развесив уши.

Начальник геологической партии Кедун с интересом отнесся к нашему путешествию и обещал помочь раздобыть лошадей и проводника.

Через несколько минут мне вручили ключ от комнаты. Было также дано распоряжение о доставке с аэродрома нашего груза. Я вернулся к своему администратору, обрадовав его тем, что все дела за него уже сделаны.

С Сашей сидели два местных жителя, вели разговор об охоте и рыбной ловле. Я подсел к ним и с удовольствием слушал. Рабочие рассказывали, что дичи кругом тьма, что, идя в тайгу, нужно брать только чай, сахар и сухари, а все остальное можно добыть ружьем: и глухаря, и тетерку, и рябчика, и утку. А рыбы здесь, особенно весной, — изобилие. Таймени ловятся по тридцати килограммов штука. Один из рассказчиков разводил руки на сколько хватало:

— Во какие таймени!

Он же заявил, что на одном из ближайших озер водятся щуки величиной с человека.

— Позвольте, — не удержался я, — но это же не щука, а целый крокодил!

— Да, да, — кивал головой рассказчик, — в ней не меньше полсотни килограммов!..

После того как был перевезен наш груз, хотелось побыстрее осмотреть местность и сходить в мансийскую деревню за проводником.

Маленький поселок Усть-Манья состоит из двух частей: старой деревушки в двенадцать-пятнадцать изб и нового поселка геологической партии в десять домов. Кругом бескрайняя молчаливая тайга. Только вечно шумит на порогах и перекатах Северная Сосьва. Далеко в тайге слышен этот шум.

Могучие кедры расположились по берегам, заметно выделяясь на фоне других деревьев лохматой хвоей. Они стоят особняком и выглядят крепышами среди стройных елей и пихт.

Вода в Северной Сосьве очень чистая, течение быстрое, сбивает с ног. Местные жители плавают по реке в узких длинных лодках, отталкиваясь шестами. Вверх по течению лодку обычно тянет лошадь.

Ниже поселка правый берег реки высокий, обрывистый, под ним ряд бурных перекатов. Через один из них мы осторожно перешли на другой берег. У самой воды стояли несколько развесистых кедров. Под ними валялись шишки — это работа птиц кедровок. Дальше начинался сплошной кедрч. Сюда ходят местные жители на ореховый промысел.

По крутому склону в лесу мы забрались на обрыв и на какое-то мгновение остолбенели: вся земля была буквально покрыта брусникой. Мы никогда в жизни не видели такого изобилия ягод. Тут же, среди брусники, росла и черника, и голубика, но брусники было особенно много. Теперь стало понятно, как это на севере ягоду собирают ведрами. Ее, как выражаются здесь, «доят», то есть берут в руки всю кисть и ведут на себя. В ладони остаются все ягоды.

На другой день мы в первый раз встретились с манси. Что-то есть в них монгольское и в то же время индейское, соответствующее детским представлениям о гордых охотниках. Особенно обратил на себя внимание один статный мужчина с косичкой на затылке. В зубах у него торчала массивная трубка. Одет он был в национальную мансийскую одежду, напоминающую длинную рубаху с цветным шитьем. На поясе болтался большой охотничий нож. Ноги были обуты в мягкую кожаную обувь, перетянутую у ступней и под коленями бечевкой. «Здравствуйте», — сказал этот «индеец», завидев нас. Мы ответили ему тем же приветствием. Он еще больше стал походить на героев Фенимора Купера, когда заговорил с нами. Ей-богу — «Последний из могикан»!..

В этой деревне бригадир колхоза порекомендовал взять проводником одного пожилого манси — Петра Ефимовича Самбиндалова. Послали за ним. В сопровождении двух молодых ребят пришел низенького роста старик. На ступнях его были надеты нярки, как называют здесь мягкую кожаную обувь на меху, а выше, до самых бедер, ноги были обтянуты в нечто, напоминающее мокасины, перетянутые под коленями веревочкой. На поясе болтался охотничий нож с гирляндами зубов какого-то хищного животного, очевидно, медведя. На шее был повязан платок, лысеющая голова ничем не была покрыта.

— Пася, — сказал старик, когда подошел к нам.

Мы переглянулись.

— Он говорит: «Здравствуйте», — сказал один из сопровождающих старика парней.

Спohватившись, мы выпалили скороговоркой: «Здравствуйте, здравствуйте!» После этого все уселись на скамейку, повели переговоры. Мы объяснили, что нам нужно от проводника: довести нас по тайге до горы Мань-Пупы-Нёр, ухаживать за лошадьми, а

все остальное — вместе: питание, охота, рыбная ловля. Необходимо взять с собой ружье и рыболовные принадлежности. Запас дрови, пороха и пыжей у нас есть.

Со всеми этими условиями старик согласился. Он сказал, что берет с собой собаку лайку, ружье, запас сухарей и чай. Известно, что манси — большие любители чая.

Нам были нужны четыре лошади: две под аппаратуру и вещи, две для того, чтобы ехать верхом. Но в самый последний момент выяснилось, что четырех лошадей дать нам не могут, предложили лишь двух кобыл с жеребятами. Это бесплатное приложение очень смущало нас. Во-первых, исключалась всякая возможность ехать верхом. Прогулка в сто километров по трудно проходимой тайге не представлялась особенно заманчивой. Во-вторых, жеребят мы были обязаны сохранить так же, как лошадей. Прибавилась еще одна забота администратору Саше. На двух лошадей с жеребятами он вынужден был подписать обязательство в том, что все они будут возвращены нами в целости и без повреждений, в противном случае наша группа несет материальную ответственность, и первый ответчик — администратор Гавриш. Саша подписал этот документ с явным неудовольствием. Но иного выхода не было.

В назначенный день к нам пришел старик манси с маленькой котомкой и ружьем за плечами, в сопровождении белой собаки. Общими усилиями собрали всю аппаратуру и стали навьючивать лошадей. Саша при этом не проявлял никакой активности, стоял в стороне и наблюдал, как мы с проводником привязываем мешки к седлам.

— Ты чего не помогаешь, Сашок? — спросил я.

— Я не умею вьючить, — был ответ.

— А ты думаешь, я умею? Мне это никогда не приходилось делать. Давай-ка, друг, вместе.

Мы как могли навьючили лошадей и тихонько отправились в путь. Проводник взял первую лошадь за уздечку, Саша — вторую, а я с ружьем и двумя фотоаппаратами на плече завершал шествие.

Жеребята резвились вокруг нас, то забегая вперед, то отставая. Это были две маленькие кобылки. Саша все время норовил огреть их вицей и покрикивал: «Эй, вы, девчонки!»

Пройдя мимо избы проводника, куда он забежал на минутку, мы свернули по тропе в лес. Сразу же началась тайга с мелким, но густым сосняком и ельником. Появились мошки и комары, от которых приходилось отмахиваться сначала рукой, потом сломленной для этой цели веткой.

Через двадцать километров, преодолев непролазный бурелом, вышли к реке Манье. Пробираясь между тесно стоящими деревьями, порядком изодрали вьюки.

К реке мы вышли у высокой береговой скалы. Скала была темно-серого цвета и вся состояла из громадных наплывов вулканической породы, очень похожей на застывшую лаву на потухшем крымском вулкане Карадаг.

На Карадаге есть места, где лава застыла в виде внутренностей какого-то гигантского животного. В Сердоликовой бухте этого вулкана, извиваясь и перекручиваясь, тянется по склону толстая каменная «кишка». Она то поднимается вверх, то опускается вниз, то уходит в глубь горы, то снова появляется из нее. В местах разрыва такой «кишки» отчетливо видно ее кристаллическое строение, причем кристаллы располагаются радиально — от центра к стенкам. Скала на Манье имеет такое же вулканическое строение. Очевид-

но, в древности на восточном склоне Урала также происходили вулканические процессы.

Перейдя вброд Манью, расположились на ночлег у отвесного берегового камня. Возле этого камня хорошее эхо, поэтому манси прозвали его «Суин-Керас» (Эхо-камень).

Пока ставили палатку, таскали дрова для костра и разводили огонь, — не заметили, как наши лошади куда-то исчезли. Для всех это было неожиданным ударом, а для Саши особенно: ведь он подписал сохранное обязательство. Посоветовались между собой и решили, что лошади могли уйти только обратно к дому. Ворча и ругаясь, Саша направился искать их вниз по Манье. За ним пошел и проводник. Я остался караулить у костра, волнуясь за исход поисков. Лишиться лошадей в тайге — значит сорвать экспедицию. Хорошо, что это случилось только в первый день похода, когда до Усть-Маньи было не так уж далеко. Ну, а если бы это произошло на третий, на четвертый день? Где бы мы стали искать своих лошадей среди глухой тайги?

Я много передумал у костра, гадая: найдут или не найдут? Но вот раздался резкий окрик Саши и послышался звук колокольчика. Из-за кустов показался проводник верхом на одной из лошадей, Саша вел за уздечку другую. За ними шествовали жеребята. Сразу стало радостно на душе.

Только привязав лошадей к дереву, стали готовить ужин. Тучи мелких мошек слетались на огонь и одолевали нас. Пришлось обмотать голову и шею кусками марли.

Наступила таежная ночь. Острые шпили стройных пихт четко выделялись на фоне усыпанного звездами неба. Было таинственно, тихо, жутко и красиво.

Я всегда ощущаю какое-то чувство благоговения перед северной красавицей — пихтой. Не могу спо-

койно смотреть на это стройное дерево. Здесь, в глуши, среди суровой таежной природы, оно красиво и в самую страшную ночь. Все мне нравится в нем: и мягкая пахучая хвоя, и спадающие ветви — лапы, и пирамидальная стройность. Лес с пихтой по берегам рек приобретает особую прелесть. Прибрежные скалы, драпированные этим деревом, кажутся мощнее и живописнее. Пихты украшают северный лес.

После сытного ужина потянуло ко сну. Проводник, несмотря на уговоры, не согласился лечь в палатке, а устроился на голой земле прямо у костра. Мы только руками развели: старику шестьдесят пять лет, а он спит на сырой земле. Вот это закалка!

Стояла тихая ночь. Хвойный лес давил чёрнотой со всех сторон. На камне Суин-Керас проухал филин...

* * *

Ранним утром далеко в тайге прозвучали выстрелы. Я проснулся и стал прислушиваться.

В палатку через щель проникала утренняя свежесть, было видно, как в тучах поднималось солнце. У потухшего костра, свернувшись комочком, лежал наш проводник. Собака ютилась у его ног.

Снова раздался выстрел, на этот раз ближе. Собака подняла голову и заворчала. Проводник прикрикнул на нее:

— Пырья, Паль!

С этими словами он скинул с головы марлю и поднялся на ноги.

— Кто это стреляет? — спросил я.

— Сено коси близко, мой сын там есть, наверно, охота ходи, — объяснил он.

Проснулся Гавриш и первым долгом поинтересовался лошадьми. Они паслись в густой траве на берегу, жеребята лежали возле них. Саша успокоился.

Из-за камня Суин-Керас показалась белая лошадь. Скоро подъехал верхом молодой манси с ружьем через плечо. Это оказался сын нашего проводника, парень лет семнадцати, звали его Тихоном. С группой односельчан он поблизости косил сено. Тихон довольно хорошо поговорил с нами по-русски: он учился в русской школе.

Парень вскоре уехал, а мы, навьючив лошадей, направились по берегу Маньи дальше.

Манья в этом месте течет среди скал по шумным каменистым перекатам, густой таежный лес тянется по ее берегам. Место глухое, дикое. Огибая скалы, мы были вынуждены переходить реку вброд. Вода заливалась в сапоги, ноги стали мокрыми. Вскоре дошли до места, где когда-то был мансийский поселок Манья. Он помечен на карте, но в действительности его не существует уже давно, манси переселились отсюда. С берегового косогора в синей дымке видны далекие уральские горы. Отсюда едва заметная тропа повела нас среди леса, в котором обильно росли кедры. На земле валялось множество наполовину расклеванных шишек: кедровки потрудились и здесь. Они сшибают шишки с деревьев, а на земле лущат их. В тайге эту птицу не любят за ее пронзительный крик и за манеру оповещать на весь лес о приближении человека.

Лакомясь по дороге орехами, я изрядно отстал от своих. Впереди, несколько в стороне, на кого-то залаял Паль. Я приготовил ружье и побежал по тропе догонять свой караван. Пробежав добрых триста метров, увидел между стволов рыжие крупы наших лошадей. Старик держал наготове ружье и еще издали подзывал меня рукой.

— Наверно охота надо ходи, — сказал он, когда я подбежал.

— На кого же?

— Белка однако... Может, соболь, — не очень уверенно и почти равнодушно ответил проводник.

Для меня было одинаково интересно: птица, белка или соболь — все равно первого встретившегося зверька надо снимать. Я приготовил оба фотоаппарата и кинокамеру с телеобъективом. Саша остался с лошадьми, а мы с Петром Ефимовичем пошли на лай собаки.

Паль сидел под елью и, задрав морду, не очень усердно облаивал кого-то. Проводник, всматриваясь в хвою, осторожно обошел дерево со всех сторон.

— Белка, — сказал Петр Ефимович и показал на притаившегося на ветке зверька.

Среди темно-зеленой хвои довольно хорошо было видно рыжеватую белочку с пушистым хвостом. Она сидела неподвижно, зорко следя за нами. Прислонив кинокамеру к одному из кедров, я довольно крупно снял зверька. Проводник постучал палкой по ели. Белка забеспокоилась, завертела головой и перебежала на другое место. Я заснял все это, и мы вернулись на тропу, где остался Саша.

Сухая тропа кончилась, началась топь. Наши лошади погружались в воду по самое брюхо. Ноги вязли, идти было трудно. Эта отвратительная местность тянулась километров десять. Лошади, завязнув в трясине, ложились в грязь и рывками старались вырваться из топи. Приходилось беспокоиться о главном — не замочить бы пленку и оптику. Страшным казалось и то, что лошадь, засадив ногу между корнями, может сломать ее при резком рывке. У одной лошади из ноги уже сочилась кровь. Лавируя между деревьями и выбирая более твердую почву, наш отряд молча двигался все дальше и дальше. Казалось, болоту не будет конца.

Но неожиданно топь кончилась и мы очутились в

сосновом бору. Здесь пошли все вместе, кучкой. Даже Паль бежал рядом с нами. Но вот он что-то забеспокоился, стал метаться из стороны в сторону, пригнувшись к земле. Потом вдруг резко бросился вперед. С громким свистом выскочил какой-то маленький зверек, который пулей пронесся по земле и моментально забрался на дерево. Это был бурундук. Проводник с пренебрежением махнул рукой: дескать, этот зверь не стоит внимания, и сердито крикнул на собаку:

— Пырья, Паль!

Всю дорогу я нес кинокамеру на ремне через плечо, она всегда была готова к действию. Поэтому и сейчас постарался не упустить благоприятного случая. Бурундук, пожалуй, самый доверчивый из зверьков, подпускает к себе очень близко. Если же стоять неподвижно, он и сам может подбежать к человеку. У этого зверька больше любопытства, чем трусости, и мне не стоило большого труда снять его в разных позах.

Из соснового бора мы вышли на просторный луг у речки Арпыньи. На лугу косили сено коми из Усть-Маньи. Они устроили себе палатку и жили здесь уже несколько дней.

Немного отдохнув, мы тронулись дальше, чтобы засветло дойти до речки Мазыпаты. Узенькая, едва заметная тропа повела в превосходный сосновый бор. Место сухое, светлое. Под ногами сплошной черничник. К особо крупным ягодам рука тянется невольно. Черничник сменили лавины брусники. Во рту уже горько и приторно от ягод, больно зубы, но такова уж натура человеческая — нет-нет, да и сорвешь еще ягодку...

Через шесть километров вышли на известную старинную Лебединскую дорогу. Это прямая узкая просека с едва заметной тропой. Она сильно заросла и угадывается только по макушкам старых сосен, рас-

тущих по сторонам. Фактически здесь густой лес, от дороги осталось только одно название.

Солнце уже садилось за лес, когда мы подходили к Мазыпатье. Мое внимание привлекло какое-то поствистывание в лесу. Прислушавшись, узнал рябчика. Пошел на свист, но в противоположной стороне слышался такой же голос. Я повернул обратно и вышел на дорогу. Вдруг откуда ни возьмись прилетел рябчик и сел на сосну. Я долго любовался им и жалел, что нельзя запечатлеть его на пленке: были уже сумерки.

* * *

В предрассветный час меня разбудило ворчание собаки. Проснулся манси и прикрикнул на нее. Я снова погрузился в сон, но был разбужен выстрелами. Вскоре подошел проводник и бросил на землю что-то тяжелое. Любопытство заставило встать. Около палатки лежали две крупные тетерки.

— Вот это да-а! Сразу двух?

— Сперва один стреляй, потом другой, — объяснил проводник.

Оказывается, Паль, шныряя по лесу, спугнул их с земли на дерево. Пришел хозяин, выстрелил сначала по одной. Другая не улетела, пока он перезаряжал ружье. Еще выстрел, и на землю упала и вторая. До чего же непуганная дичь в этой тайге! Я представил себе, какой упустил кинокадр.

— Зачем меня не позвал, Петр Ефимович?

— Э-э, твоя крепко спал, моя ходи один.

Солнце поднималось из-за леса. Его не было видно, но верхушки кедров и пихт освещались золотистым светом. Мазыпатья была еще в тени, быстрые потоки ее отражали ярко-голубое небо. С прибрежных

пихт, красиво драпируя стволы и ветви, свисал свинцово-пепельного цвета мох. Картина разворачивалась изумительная.

Я принялся снимать пейзажи на цветную пленку, как вдруг вновь в лесу залаяла собака. На этот раз проводник довольно уверенно сказал:

— Глухарь. Ходи, ходи.

Это «ходи, ходи» было адресовано мне. Тут уж раздумывать было некогда. Взяв оба фотоаппарата и ружье, ринулся в лес. Осторожно пробираясь между сосен и внимательно всматриваясь, увидел нашу белую собаку под деревом. Она, задрав морду вверх, заливалась лаем. Сердце мое учащенно билось: я впервые шел на глухаря и живым его не видел ни разу.

Осторожно подкравшись, увидел среди ветвей огромную черную птицу. До нее было метров тридцать. Забыв про фотоаппараты, вскинул ружье, прицелился и выстрелил. Глухарь камнем повалился вниз. Послышался звук падения тяжелого тела. Лайка подскочила к птице и схватила ее. Глухарь стал биться и хлопать по земле могучими крыльями. Он вырвался, пробежал несколько метров, но был снова схвачен. Я подбежал и остановился, опасаясь подойти ближе.

Собака держала глухаря за горло. Он бил крылом по земле и, раскрыв большой белый клюв, смотрел на меня. Страшно было протянуть к нему руку. Он бился еще несколько секунд, но скоро затих. Осторожно взяв за крыло, я поднял его. У глухаря была громадная голова с белым клювом и красной бровью над глазом. Бок птицы был прострелен. Гордый своим трофеем, я в то же время испытывал чувство сожаления, что убил этого лесного великана, а не снял его на пленку.

Я понес добычу к своим. Гавриш еще спал.

— Сашка, посмотри, какой петух!

Сашка зашевелился в палатке, вылез из нее и, заметив большую птицу, ахнул. Проводник, увидев мою добычу, одобрительно сказал: «Хорошо, хорошо».

После первых же моих охотничьих успехов наш проводник проникся ко мне симпатией. «Начальник хорошо охота знай», — говорил он одобрительно. А вскоре заявил мне, что я очень понятно говорю с ним, других же людей, в частности Сашу, он плохо понимает. Разговаривали мы с ним примерно так же, как Дерсу Узала с Арсеньевым.

Он говорил мне:

— Я ходи Екатеринбург давно-давно, люди не понимай, как говори, ты хорошо говори, я все понимай.

Я отвечал в таком же стиле. Сашка, слушая нас, падал с хохоту. Но наш «Дерсу» понимал меня с полуслова, и между нами установился контакт на все время экспедиции.

Привал на Мазыпатье был самым лучшим. Всего тут было вдоволь: и дичи, и ягод, и чистой воды, и травы для лошадей.

Трудно выразить впечатления, которые оставляет северный таежный лес. Не хватает легких, чтобы полностью вдохнуть все лесные ароматы. Чувствуешь, что вдохнул бы еще, да некуда. Лесной воздух кажется каким-то, если можно так выразиться, питательным, сытным. Целый день идешь по тайге и голода не ощущаешь. Хорошо в лесу, очень хорошо!

От места привала начинался сосновый бор, заросшая дорога Лебединского проходила по нему. За чаем у костра проводник поведал мне некоторые сведения об этой дороге.

Лебединская дорога — это узенькая просека в тайге, прорубленная купцом Лебединским еще до революции с целью связать реку Печору с Северным Зауральем, где в то время проводились интенсивные

поиски золота. По этой дороге с Печоры доставляли хлеб и водку хантам, живущим в Зауралье. Обратное вывозилась пушнина, дичь, рыба. Дорога функционировала главным образом зимой, основным транспортом были олени упряжки. Поэтому она и теперь называется «зимняя оленья дорога». Летом по ней ходят только смельчаки, вроде нас. На дороге со временем образовалось много болот, которые тянутся по 8—10 километров. Единственный сухой участок — между речками Арпынья и Мазыпатья.

Перед тем как покинуть место нашего привала, мы с Сашей решили выкупаться. Мазыпатья в этом месте порожистая. Местами встречаются неглубокие ямы, в которых можно свободно плавать. Вода здесь абсолютно прозрачная, видно все дно. В одной из таких ям мы и отважились искупаться. Холодная вода обжигала тело. Окунувшись, мы с воплями выскакивали из нее. Но, набравшись храбрости, переплыли яму и в кустах противоположного берега обнаружили замечательное место — старицу со стоячей, но чистой, как алмаз водой легкого голубого оттенка. Дно было ярко подсвечено лучами восходящего солнца, и были ясно видны мельчайшие гальки. Мохнатые кедры отражались в алмазном зеркальце. Изумительное зрелище! Не вода, а кристалл! Существуют же такие уголки в природе, на которые нельзя смотреть без восхищения...

Опять потянулась прямая Лебединская дорога. Местами на ней встречались топи, которые приходилось обходить стороной, прорубая путь для лошадей. Как сказал проводник, приближались лосиные места. Наша собака куда-то исчезла. Вскоре по лесу разнесся ее далекий лай и внезапно прекратился. Через минуту лай повторился, но с другого направления.

— Лось ходи, — сказал проводник.

Мы остановились и прислушались. Где-то далеко заливалась наша собака, очевидно преследуя сохатого.

— Паль, Паль! — закричал Петр Ефимович на весь лес. Но Паль, видимо, не слышал хозяина, лай удалялся все дальше и дальше. На лице проводника появилось беспокойство. Лишиться в тайге собаки — это значит почти обезоружить себя. Многим манси обязаны лайке — верному помощнику и другу. Собака всегда найдет глухаря, тетерку, белку, всегда предупредит об опасном приближении медведя или волка.

Мы подождали немного и пошли дальше. Паль явился неожиданно. Высунув язык, он тяжело дышал. Но неугомонная охотничья страсть влекла его дальше. Обогнав нас, он скрылся среди леса в поисках новых приключений.

Вышли на высокое место. Кругом стоял горелый лес, одинокие вершины уцелевших пихт и елей торчали среди сплошных зарослей берёзового молодняка.

— Это парма, — сказал старик.

Вдали, за вершинами обгоревших деревьев виднелись горы.

— Вот он, Урал! — крикнул я.

— Нёр, Нёр, — закивал головой проводник. Гору, горный кряж, а также Урал — манси называют одним словом «Нёр».

Мы шли по едва заметной тропе среди сплошных зарослей молодых берез и осин. Петр Ефимович вел за повод лошадь, за ним, опустив голову и устремив очки в землю, шел со второй лошадью Саша, сзади резвились двое жеребят. Шествие заканчивал я с двумя фотокамерами на груди и ружьем через плечо.

Впереди опять залаял Паль. Проводник остановил лошадь и прислушался.

— Это глухарь. Ходи стреляй, — сказал он мне. Странное дело: хозяин всегда знал, когда Паль

ляет на глухаря. Очевидно, он знал все особенности в характере лая собаки.

Я сделал жест, чтобы никто не шумел, и шепотом сказал Саше:

— Снимай камеру и штатив.

Проводнику мы объяснили, что будем снимать глухаря на кинолентку. Он кивнул в знак согласия. Тем временем Паль продолжал заливаться лаем.

Мы быстро установили кинокамеру с телеобъективом и стали осторожно пробираться сквозь заросли. Сильней забилося сердце. Кинооператор в такие минуты переживает несравненно больше, чем охотник. Охотнику нужно незаметно подкрасться, выстрелить и убить. С выстрелом кончается все. Положение кинооператора сложнее: ему важно, чтобы дичь оставалась на месте все время, пока он снимает. С нажатием курка кончается охота. С нажатием кнопки кинокамеры только начинается интересная охота киноопера-тора. Охотник выстрелил из ружья, и красавец-глухарь падает, превращаясь в грудку мяса, покрытую перьями. А при киносъемке он сидит на дереве живой, не замечая объектива, все его движения фиксируются. Оператор может заснять такие моменты поведения дикой птицы, которых никто и никогда не видел. Это станет достоянием многих миллионов зрителей. И каждый останется благодарным кинооператору за его охоту.

Паль продолжал лаять. Мы двигались в его сторону и наконец вышли на открытое место. Притаившись, стали озираться, искать глухаря. Вот он! На стройной одинокой пихте, согнув ее вершину, сидела громадная черная птица и, опустив могучую длинную шею, заглядывала вниз, где под деревом лаял Паль. Скрывшись за группой молодых березок, мы быстро поставили штатив, и я прильнул к аппарату. Черный красавец заполнил весь кадр. Легкое движение объ-

ективом, и он весь в фокусе, видны все переливы на его перьях.

— Включай аккумулятор, — шепнул я Саше.

Зашумела камера. В аппарате видно, как глухарь резко выпрямил шею, посмотрел в нашу сторону и, не обнаружив ничего опасного, принялся снова заглядывать вниз, на Паля.

— Какая прелесть, Сашка! — шепчу я под стрекот аппарата и в кадре вижу: глухарь чистит клювом мохнатую ногу, потом снова заглядывает вниз, вытягивая шею и поворачивая голову в разные стороны, очевидно, удивляясь, что это за белый зверь пристал к нему со своим лаем, такого он еще не видывал. Вот глухарь горделиво поднял голову, озирается. Я вижу на матовом стекле киноаппарата его красную бровь. Вот он переступил с ноги на ногу и, не переставая смотреть вниз, повернулся на ветке хвостом в нашу сторону.

Я выключил аппарат и перевел дыхание. Что же делать дальше? Глухарь продолжал сидеть хвостом к нам и с прежним любопытством заглядывал вниз. Паль не переставал лаять.

— Сашка, — шепчу я, — бери ружье и стреляй, а я буду снимать. Только стреляй метко.

Саша шепчет мне в ответ:

— Я никогда не стрелял.

— Бери, бери! Положи ствол на сучок, держи глухаря на мушке и плавно нажми курок. Попробуй, прицелься!

Саша, виновато улыбаясь, берет ружье, прицеливается.

Застрекотала кинокамера, я трогаю Сашу рукой. Раздается оглушительный выстрел. Глухарь как будто не слышит его, продолжает сидеть хвостом к нам и смотреть вниз. Я выключаю аппарат и шепчу стрелку:

— Мазила, перезаряжай быстрее!

Снова работает камера, снова раздается выстрел. Глухарь резко выпрямляется, вытягивает шею и беспокойно озирается по сторонам, но не улетает. В кадре я вижу, как он повернулся в нашу сторону и вертит головой, стараясь разглядеть, где опасность. Под шум киноаппарата кричу:

— Стреляй еще!

Раздался третий выстрел. Глухарь взмахивает крыльями и срывается с дерева. Я выключаю камеру лишь тогда, когда он исчезает среди леса. Делаю с облегчением глубокий выдох:

— Вот это ка-а-дры!.. Хорошо, что ты промазал.

Подошел проводник и, хитро сощурив глаза, сказал:

— Шибко плохой охотник Саска.

Мы снова идем через парму: В одном месте попались свежие следы сохатого. А вскоре проводник поманил меня пальцем и показал на следы, похожие на собачьи, только очень крупные.

— Какой след это?

— Волк?

— Правильна.

— А это? — показал он на круглый след с углублением когтей в передней части.

— Медведь?!

Петр Ефимович закивал головой. Вот так штука! Вокруг ходят и волки, и медведи, и лоси. Вот это край!

— Саша, береги своих жеребят!

Через несколько километров мы снова вышли на покрытую сосняком возвышенность, с которой открылся Урал. Впереди была видна гора Манья-Тумп, справа вершина Печорья-Толях-Сахл, а еще правее — похожая на стог сена гора Иохт-Хури. Здесь Лебединская дорога выходила на так называемую Сибиряков-

скую. До гор казалось еще очень далеко. Путь пролегал через бесконечную парму с мелколесьем и обилием сушняка.

Впереди внезапно залаял Паль, что-то затрещало и прямо на нас выскочила громадная лосиха. Преследуемая Палем, она медленно пробежала мимо. Мы остолбенели. Я невольно потянулся к ружью.

— Стреляй не надо! — крикнул проводник.

Лосиха убежала, за ней убежала и лайка. Появление этого лесного зверя было так внезапно, что я не успел сообразить взять в руки фотоаппарат. Кинокамера же в это время висела на вьюке.

Мы долго шли по Сибиряковской дороге и, когда солнце село за горы, спустились к речке Манье на ночлег. Проводник подвел нас к одной яме и указал пальцем в воду.

— Смотри, харюз.

Мы наклонились и увидели стаю больших хариусов. Они то медленно скользили навстречу быстрой струе у переката, то стояли на месте и плавно шевелили своими большими спинными плавниками. Я первый раз в жизни видел таких крупных хариусов, в таком обилии и в такой маленькой речке. До чего богатый край! Здесь нет людей и дары природы остаются нетронутыми, а все живое не напугано.

Сегодня было много впечатлений. Мы чувствовали себя усталыми, поэтому решили ограничиться чаем и крепким сном. Но в хариусную яму поставили на ночь перемет из пятнадцати крючков. На насадку пошло глухариное мясо.

Утром мы с Сашей побежали смотреть перемет. Хариусы важно плавали в прозрачной воде и временами хватали что-то на ее поверхности. Вытянули перемет. Насадка на крючках оказалась не тронута. До завтрака попробовали снарядить удочку и удить на глухариное мясо. Но хариусы отошли от берега на се-

редину речки и больше не подплывали. Как я ни старался, ничего не помогло. «Царская рыба» не желала обращать внимание на приманку. С досадой я бросил удилище и призадумался: что же делать, как добыть хариусов?

Проводник протянул мне кусочек глухариного пера и сказал, что его надо привязать к крючку. Сам же он пошел в кустарник и вырубил удилище. Старик решил показать нам, как надо ловить хариусов. Мне и Саше он запретил подходить к яме, чтобы не пугать рыбу. Прикрепив длинную леску к удилищу, проводник принялся мастерить на крючке искусственную мушку из перьев. Когда все было готово, он пошел в обход ямы. Мы последовали за ним. Не доходя до берега, он нагнулся и почти ползком стал подкрадываться к воде. Мы с Сашей на четвереньках ползли следом. Достигнув кустов у переката, старик сел на корточки, осторожно поднял удилище и тихо опустил мушку на перекат. Течение подхватило ее и понесло к яме. Вот мушка завертелась на водовороте, и в тот же миг рядом с ней на воде появились два круга, послышался всплеск. Мушка исчезла в воде, проводник дернул удилищем, леска натянулась и на крючке шумно забултыхался хариус. Нагибаясь, старик повел рыбу по перекату вверх и вытянул на берег. Это был красавец длиной в сорок два сантиметра. Он отчаянно бился в руках и норовил вырваться. Саша унес его к костру.

Проводник сказал, что надо подождать немного, чтобы другие хариусы успокоились. Сейчас они напуганы и клевать не будут. Минут через пятнадцать старик снова начал рыбачить, но на этот раз безуспешно. Хариусы словно сговорились больше не клевать. Пришлось ловлю прекратить.

Но как же добыть еще хариусов? Саша подал мысль — использовать в качестве бредня пятнадцати-

метровый кусок марли, который был взят нами для защиты от комаров и гнуса. Мы развернули марлю, к концам привязали палки, к одной стороне прикрепили грузила — десять тяжелых галек, к другой привязали десять сухих деревяшек в качестве поплавков. Через полчаса бредень был готов. Под смех Петра Ефимовича мы разделись и полезли в ледяную воду. Интенсивно работая руками, потянули бредень в сторону переката. От холода стало ломить ноги, кое-как выволокли марлю на мель. Бредень был пуст. Наши старания оказались безуспешными.

Район хариусной ямы очень красив. Близость гор и леса делает это место живописным. Особенно красочна эта местность с наступлением осени, когда листва прибрежных берез начинает покрываться желтизной. В ясный сентябрьский день здесь непередаваемо хорошо.

Название «Манья» по-мансийски означает — «Маленькая речка». За ней возвышается гора Манья-Тумп, а справа виден основной хребет Урала — Поясовый Камень. Туда лежит наш путь, там наши желанные столбы на горе Мань-Пупы-Нёр.

Кончив записи, я приготовил кинокамеру с телеобъективом и осторожно подкрался к хариусной яме. Стая хариусов опять стояла у переката. Только с большими предосторожностями мне удалось бесшумно установить аппарат, не спугнув рыб. Метровая толща воды сильно мешала навести на фокус. Легкое движение струй на поверхности и рябь от ветра портили все дело. Приходилось ждать, когда успокоится вода или когда хариусы переместятся на более тихий участок. Удерживая все время рыбу в кадре, мне удалось снять несколько хороших моментов.

Наконец сварился глухарь и мы принялись за желанную трапезу. Мяса наварилась целая гора. Немудрено: в птице пять-шесть килограммов. Втроем мы

Нужно переходить реку вброд: впереди скала.

На ровном плато вершины как солдаты выстроились в ряд причудливые каменные болваны.

Эта скала напоминает верблюда.

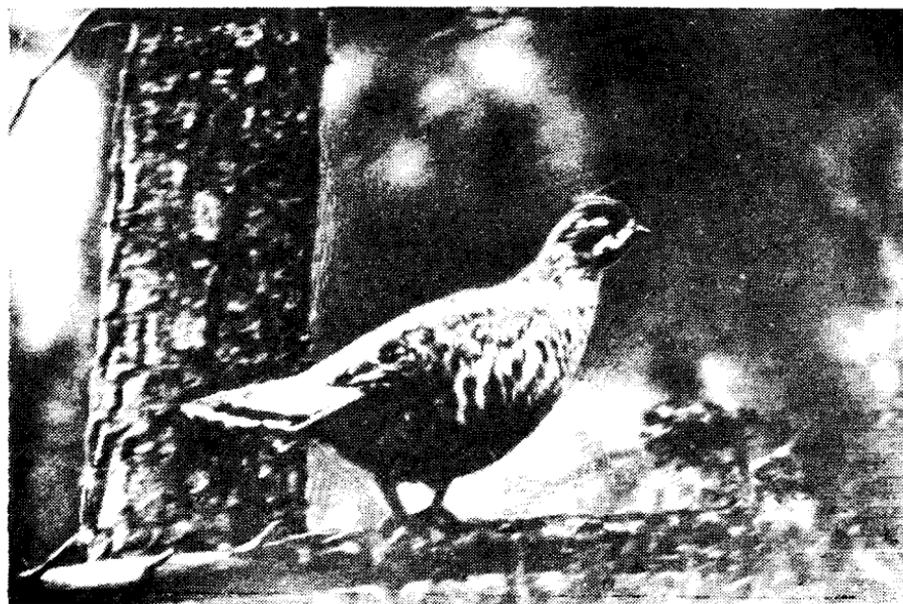
Один из останцев напоминает фигуру с острова Пасхи.

Природа, как скульптор, создала здесь удивительные творения.

С громким свистом пробежал бурундук,
«Позирует» рябчик.

едва осилили половину глухаря, другую половину оставили на следующий раз. И это с нашими-то лесными аппетитами! Хороша «птичка». Теперь понятно, почему манси в основном охотятся на глухаря и почти совсем не бьют рябчиков.

Хариуса проводник приготовил особым способом: он выстрогал из ветки шомпур, нанизал на него рыбу и воткнул в землю возле костра. Рыба медленно поджаривалась на огне, из нее обильно сочился сок. Старик временами поворачивал шомпур. Этот таежный «шашлык» был очень вкусен.

После завтрака отправились дальше. Петр Ефимович заявил:

— Мань-Пупы-Нёр сегодня ходи нету: далеко.

Мы шли вдоль Маньи, несколько раз переходили ее вброд. Высокие прибрежные травы скрывали нас с головой. Я шел сзади, прыгая с кочки на кочку. Впереди под ногами моих спутников шелестела трава. Внезапно шелест прекратился. Я чуть не наткнулся на Сашу, молча делающего мне какие-то знаки. Он показывал рукой вперед, на проводника. Тот тоже помахивал рукой. Предполагая встречу с какой-то птицей, я осторожно пробрался к нему.

Манью скрывала густая трава. Через ее стебли лишь кое-где были видны играющие на воде блики. Старик взял меня за локоть и, раздвинув траву, показал на речку. Я выглянул и застыл на месте. Совсем близко от нас, посреди ручья сидел на задних лапах медведь. Растопырив передние лапы, он неподвижно глядел в воду. Первое впечатление от этой картины было настолько сильным, что я не мог сообразить, что делать. Руки тряслись.

Наконец вспомнил, что надо снимать. Кое-как приспособившись, щелкнул несколько раз. Осторожно подошел Саша, и мы все трое стали следить за зверем. Ветер дул с его стороны, поэтому он нас не чуял.

Там, где сидел медведь, Манья разделилась на несколько мелких протоков. Поведение зверя казалось очень странным. Он долго сидел неподвижно. Вдруг разкий взмах лапой, и из воды вылетела рыба. Она перелетела через медведя и шлепнулась в русло другой протоки. Зверь даже не оглянулся и снова застыл в прежней позе.

— Харюз лови, — шепотом сказал старик.

Медведь снова взмахнул лапой, и через него полетела вторая рыбина. Она так же, как и первая, скрылась в воде параллельной протоки. Мы чуть не засмеялись вслух, когда поняли, что медведь занимается бесполезной работой и не соображает этого.

Лошади наши вели себя очень беспокойно. Они раздували ноздри, плотно прижимали уши и резко выпрямляли их, настороженно прислушиваясь, — чуяли близость зверя.

Я шепнул Саше, чтобы он осторожно взял кинокамеру. Тем временем медведь занимался «мартышкиным трудом». Мы следили за зверем, пока Саша возился с аппаратом. Вдруг раздался визгливый лай Паля, до сего времени где-то скрывавшегося. Собака выскочила из кустов и бросилась к медведю. Зверь не ожидал внезапной атаки, на секунду оторопел, потом неуклюже перевалился на бок и, отмахиваясь лапами от Паля, не спеша вышел на противоположный берег. Несчастный пес испортил все дело. И надо же было ему появиться именно в этот момент, когда еще не готова кинокамера! Интересный кадр был упущен безвозвратно.

Проводник побежал по берегу догонять медведя. Мы остались одни и не знали, что делать. Неожиданная перемена ситуации как-то ошеломила нас.

Все дальше удалялся лай собаки. Потом раздался выстрел. Мы с Сашей многозначительно переглянулись: неужели сегодня попробуем медвежатины? За

выстрелом последовал далекий крик: «Паль, Паль». Потом всё стихло.

Только через полчаса явились наши охотники. Паль тяжело дышал, виновато поглядывая на хозяйку. Очевидно ему была устроена трепка.

— Медведь тайга ходи, Паль шибко далеко бегай. Собака пропадай — худой дело, — объяснил проводник.

Нам все стало понятно. Старик пустился за медведем только затем, чтобы отогнать от него Палю. Иначе собака могла бы увязаться за зверем, уйти очень далеко в тайгу и потерять нас.

От Маньи на хребет теперь пошла только оленья тропа. Она хорошо заметна в травянистых местах и совсем теряется среди леса. Здесь редко гоняют оленей.

Начался подъем, приходилось часто отдыхать. Тайга сменилась предгорным мелкоколесьем с редкими и низенькими березками. И здесь земля усыпана черникой. Чем выше в гору, тем больше ее.

В небе собираются мощные грозовые тучи, где-то гремит гром. Мы поднимаемся выше, березки скоро кончаются, уступая место карликовому стелящемуся березняку, типичному представителю Полярного Урала.

А еще выше начались каменные россыпи. По ним идти очень трудно, особенно лошадям: копыта скользят. Выше, еще выше, и наконец открылась величественная панорама Уральского хребта.

Чувствуя, что скоро выйдем на вершину, я вырвался вперед, чтобы первым увидеть Мань-Пупы-Нёр. Сердце учащенно бьется, дыхание глубокое. Еще несколько шагов, и моим глазам открылся западный склон Уральского хребта. На возвышенности слева виднелись знаменитые столбы.

— Ура-а-а!... Мань-Пупы-Нёр! — закричал я, показывая рукой вдаль.

Подошли мои спутники. Мы остановились на вершине и радовались, что наконец увидели желанную цель нашей экспедиции. Сели на камни отдохнуть и прикинуть, как держать путь дальше. Наш проводник был здесь десять лет назад и немного забыл дорогу. В этом он признался чистосердечно. Но я чувствовал, что он все равно найдет для нас лучший путь.

— Когда будем Мань-Пупы-Нёр? — спросил я.

— Сегодня не будем: далеко.

— Разве это далеко? На карте по прямой всего десять километров.

— Э-э, карта показывай так, ходи другой дело.

Столбы казались совсем близко. Был полдень, и не верилось, что до вечера мы не доберемся до них. Но делать нечего, остается верить нашему проводнику: он больше знает. Жаль было, что сегодня не дойдем до Мань-Пупы-Нёра: на небе были живописные облака, намечался хороший закат.

— Так пойдем, — показал рукой проводник по направлению склона, где начиналась тайга. — Там есть олений дорога.

Стали спускаться с хребта в Европу. Старик завел нас в такую чащобу, что пришлось чуть ли не ползком пролезать под ветвями деревьев.

Наконец, выбрались из бурелома к речке Егра-Ляга. Рядом начиналась хорошая оленья тропа. Было видно, что по ней совсем недавно прогнали большое стадо, которое плотно утрамбовало траву. Пошли по этой тропе среди небольших приземистых берез с толстыми стволами. Через несколько километров вышли к маленькому ручейку. Манси сказал, что спать надо здесь, на бывшей стоянке пастухов. Ручеек оказался Печорой.

Утром я пошел искать исток Печоры. Не так-то легко было обнаружить начало маленького ручейка. Мне пришлось забраться к вершине горы Печорья-Толых-Сяхл и от нее спускаться по каменистой россыпи вниз. Пробираясь через кустарник, услышал легкое журчание. Это был ручеек. Я направился вверх по его течению и вскоре вышел на небольшую кварцитовую россыпь. Среди камней разглядел тоненькую, слабо журчащую струйку. Так вот откуда начинается Печора!

Трудно даже поверить, что этот крохотный ручеек дает начало одной из полноводных рек нашей Родины. Он устремляется вниз, на своем пути принимает в себя другие ручьи, становится полнее, шумливее, спускается по камням все ниже и ниже и, достигнув тайги, превращается в живописную лесную речку.

Вдали, куда течет маленькая Печора, виднеется вершина горы Койп. Величественный конус ее господствует над всей окружающей местностью. В этом районе все горы безлесны, только Койп снизу до половины покрыт густым лесом. В бинокль отчетливо видны стволы деревьев на его склонах. Печора протекает у подножья Койпа, потом поворачивает на запад и течет среди таежных лесов Печоро-Илычского заповедника.

Всю первую половину дня мы провели на киносъемке истока Печоры. Вершина Мань-Пупы-Нёра перед нами, за долиной реки. Слева видна высшая точка этой горы. На ней возвышаются две группы больших камней. На одном из камней поставлена вышка. Это самая высшая точка Мань-Пупы-Нёра. Правее этой вершины гора имеет седловину, после которой начинается вторая возвышенность, пониже. За ней скрылись наши каменные богатыри. Кажется, сов-

сем рядом, но впереди зеленое море тайги. Если придем на Мань-Пупы-Нёр к вечеру, до захода солнца, это, по словам нашего проводника, еще хорошо.

Мы отправились в путь около полудня. Идем по склону горы Печорья-Толях-Сяхл среди сплошных зарослей карликовой березы. Дорога спускается в лес. Временами ее преграждают заболоченные места, которые обходим стороной. И здесь проводник показал нам среди отпечатков оленьих копыт свежий след промадного волка. На дороге встречались следы лося и даже глухаря, неизвестно зачем расхаживавшего по земле.

Все ниже и ниже спускаемся в долину Печоры и неожиданно выходим на берег реки. Здесь она еще небольшая, но шумливая. По берегам стоят кедры и высокие травы.

Сразу от реки начался подъем в гору. Солнце уже спускалось к Мань-Пупы-Нёру, надо было спешить. Тайга снова кончилась, начались приземистые березки, а потом их сменил карликовый березняк. Мы вышли на склон. От изобилия черники трава под ногами темная. На ходу гребем ягоды ладонями и отправляем в рот. Идем по направлению к седловине, откуда, по нашим расчетам, легче пройти к столбам.

Со склона открывается широкий вид на долину Печоры, утопающую в лесах. Кругом бесконечная тайга, тронутая первым дыханием осени. На фоне темной зелени хвойных деревьев отчетливо выступают желтеющие лиственницы. В осеннем убранстве это дерево краше березы.

Хорошо видно место нашего ночлега у подножья горы Печорья-Толях-Сяхл. Поясовый хребет сплошным горным кряжем тянется над тайгой и уходит далеко на север. Там виднеется цепь гор с вершинами Мань-Квотнёр, Иохт-Хури, а дальше, на севере, в туманной дымке — очертания горы Сабли.

Приближаемся к седловине. Почти от самого седла по склону течет ручей. Он хорошо заметен по ярко-зеленой траве, растущей вдоль русла. Проводник велел нам следовать дальше, а сам сбегал к ручью и выбрал место для ночлега. Вернувшись, он стал уговаривать нас остановиться на ночевку, а к столбам пойти завтра. Саша в любую минуту готов на отдых. Но до столбов осталось совсем немного, они где-то здесь, сразу за вершиной, в километре от нас. По небу видно, что намечается живописный закат. Нет, нет, я не соглашаюсь ни на какие уговоры и заявляю проводнику:

— Сходу идем на вершину, мало-мало работаем, а потом спать.

Проводник в конце-концов соглашается. Медленно идем среди редких и низеньких елочек. Чувствуется большая усталость. Карликовые березки путаются в ногах, мешают идти. От их пыльцы сапоги покрываются желтой пудрой.

Впереди из-за склона неожиданно показалась верхняя часть одного из столбов.

— Ура-а! — заорал молчавший до сего времени Саша. — Мань-Пупы-Нёр!

— Мань-Пупы-Нёр! Мань-Пупы-Нёр! — закивал Петр Ефимович...

— Ура! Ура! Ура! — гаркнули мы троекратно и ринулись вперед.

Перед нами один за другим стали показываться знаменитые столбы. Картина открылась величественная. На ровном плато как солдаты выстроились причудливые каменные болваны. В первое мгновение даже немного жутко смотреть на эти странные творения природы.

Мы направляемся к первому, самому высокому столбу. Лошади насторожились, плотно прижали уши. Одна из них заметалась, заржала и рванулась в сто-

рону. Проводник едва сдержал ее. Оказывается, необычайный вид каменных изваяний действует даже на животных.

В вечернем воздухе наступило полное затишье, и это еще более подчеркнуло атмосферу таинственности вокруг причудливых камней.

Начинался интересный закат. Я торопился приступить к съемке. Лошади мало-помалу привыкли и стали мирно пощипывать траву. Едва мы успели смонтировать киноаппарат, на небе, в стороне заходящего солнца, сгруппировались изумительные по своей красоте облака. Они клубились, каждую минуту меняя причудливые формы. Одно мощное облако наплыло на солнце, края его запылали, как раскаленный металл, и на этом фоне силуэтом рисовался мощный каменный столб. Через минуту облако уже приняло другие очертания — вытянулось вверх, загнулось, стало похожим на странную каменную фигуру. Еще через минуту оно расползлось в сплошную ноздреватую массу и закрыло солнце. Сквозь частые просветы на землю проникали яркие лучи.

Пылал огненными красками закат. На фоне его четко выделялся массивный каменный столб, напоминающий средневековую башню с бойницами. Я едва успевал перемещаться с одной точки на другую. К тому же нужно было очень быстро перезаряжать аппарат, чтобы дублировать кадр на черную и цветную пленки. Саша при этом выполнял роль ассистента.

Когда солнечный диск уплыл за горизонт, мы направились к ручью, где проводник выбрал место для ночлега. Всего в километре от столбов, в маленькой ложбине, обильно заросшей сочной травой, из горы вытекал студеный родничок. Рядом был карликовый еловый лесок с обилием сушняка, так что дрова находились под рукой.

Наш торжественный ужин проходил у ночного

костра. Где-то рядом, в темноте, кричали горные куропатки. Я попробовал отойти в сторону и посмотреть на наш костер из темноты. Зрелище производило сильное впечатление: на едва светлеющем небе слабо виднелись очертания вершин Поясового хребта, тайга потонула где-то внизу, на темном дне долины Печоры. И среди этого мертвого безмолвия — яркое пламя одинокого костра на склоне Мань-Пупы-Нёра. Мы здесь одни на сотни километров безлюдной тайги.

* * *

Утро следующего дня занялось ясное. День обещал хорошие условия для съемки.

Теперь можно было получше рассмотреть окрестности нашей стоянки. Гора Мань-Пупы-Нёр состоит из двух основных вершин, разделенных седловиной. Высшая точка горы увенчана камнями, высота ее 840 метров. Мы устроили свой лагерь как раз на седловине, с которой вытекал родничок. Над нами высилась вторая вершина, за которой, в километре от лагеря, на небольшом плато стояли каменные столбы. Немного ниже их, у обрыва, стоит еще одна группа каменных останцев. Среди них мощная скала, напоминающая голову льва с огромной трещиной на затылке. Глыба на затылке льва держится на очень маленьких камнях и кажется, что она вот-вот рухнет. Рядом стоит скала, похожая на сфинкса, а на ней небольшой балансирующий камень. Вся эта отдельная группа тоже стоит на небольшом плато. Группу дополняет стоящий особняком останец, напоминающий сторожевую башню с амбразурами наверху — это с одной стороны, а с другого направления останец похож на лежащего верблюда.

Центральная группа останцев Мань-Пупы-Нёра состоит из семи отдельных скал. Среди этой группы

выделяется в стороне, на значительном расстоянии от остальных шести, мощный тридцатичетырехметровый столб. Это массивная бутылеобразная колонна, прочно стоящая на земле.

Группа из шести столбов — самая оригинальная. Эти останцы расположены в одну линию над крутым обрывом, усыпанным глыбами камней, — продуктами их собственного разрушения. Один из останцев напоминает фигуру с острова Пасхи. Другой кажется более одухотворенным и похож на карлика или гнома, посаженного в мешок. Остальные четыре — просто вертикальные скалы.

День выдался солнечный, на небе лишь кое-где плыли живописные облака. Мы интенсивно работали. Кончив съемку у «Льва» и «Верблюда», перешли к большому столбу, затем занялись общим планом семи останцев. К концу дня оказались у стоящих над обрывом шести скал. К вечеру небо покрылось высокими слоистыми облаками, решаем закончить съемку. Саша с проводником уезжают к большому столбу. Я задерживаюсь, чтобы посмотреть на камни с разных направлений и установить — видно ли заходящее солнце между столбами этой группы.

Прыгая по каменной осыпи под фигурами, мимоходом взглянул на них и ахнул от удивления. Моим глазам предстало необыкновенное зрелище: три фигуры, стоящие в ряд, мы только что снимали с одного направления и видели в них нечто похожее на идолов или чудовищ. А теперь же я увидел четкие силуэты сидящего кролика, голову барана и настоящий человеческий бюст!

Человеческий силуэт производит особенное впечатление. Представьте себе бюст человека на пьедестале с характерной прической времен Грибоедова и Гоголя, с четкими линиями лба и надбровных дуг, носа и открытого рта, с ясно выраженным подбородком, шей

и выпяченной грудью с пышным жабо — вылитый Хлестаков! Если смотреть с другого направления, этот камень совершенно теряет сходство с человеком и становится похожим на фигуру с острова Пасхи.

За этим бюстом — фигура барана или, вернее всего, известная шахматная фигура коня, но с головой барана. Но если и на нее взглянуть с другой стороны, то фигура барана приобретает абсолютно иной вид: в очертаниях камня появляется что-то человеческое. Третья фигура — сидящий кролик, несколько сгорбленный. Все три фигуры расположены в ряд. Стоит только немного отойти в сторону от выгодной точки, и они теряют отмеченное выше сходство. Это лишний раз доказывает, как важно в профессии кинооператора настойчиво искать самые выразительные кадры. Искание — это и есть тот творческий процесс, которому посвящается все время, все старания кинооператора. Профессиональная любознательность во многом помогает этому процессу. И совсем не случайно два дня я ходил с чувством неполного удовлетворения. Но теперь, кажется, нашел то, что нужно.

Я карабкаюсь по камням вверх, кричу и делаю знаки Саше: «Разружай аппаратуру!» Он не слышит и не понимает меня. Бегу к нему, сам забираю кинокамеру и вместе с ним возвращаюсь на найденную мной точку.

— Видишь!? — спрашиваю Сашу.

— Вот это да! — восклицает он...

Удивительные творения создала здесь природа. Невольно возникает вопрос: как образовались эти причудливые камни?

Местная легенда говорит, что это великаны-разбойники, окаменевшие по слову божию до дня страшного суда. Манси считают, что это были ненцы, шедшие под предводительством своего атамана на восток, чтобы погубить мансийский народ. Но когда они увидели

появившуюся впереди Шайтанскую гору, предводитель их бросил свой барабан и все они окаменели от ужаса. Барабан тоже окаменел и превратился в гору Койп. Койп в переводе означает «барабан».

Многие столетия эти камни были объектом религиозных верований. Само название горы «Мань-Пу́пы-Нёр» переводится с мансийского как «Малая Гора Богов». Подниматься к ним считалось величайшим грехом.

Но как же в действительности очутились здесь эти гигантские камни?... Вот что говорит об этом наука. Около двухсот миллионов лет на месте их были высокие горы. Жар и мороз, дождь и снег, вода и ветер, растения и животные — разрушили эти древние вершины.

Днем солнце сильно нагревает каменные породы и они расширяются. Ночью камни остывают и сжимаются. Работе тепла и холода помогает вода. Под жарким солнцем быстро испаряется влага. Нагрев и остывание, намокание и высыхание ослабляют сцепление частиц минералов. Еще сильнее разрушает горные породы вода, замерзающая в трещинах. Превращаясь в лед, она расширяется и, разрушая стенки трещин, увеличивает их размеры.

Вода играет основную роль в разрушении горных массивов. Чем сильнее поток, тем больше разрушения он производит. Но вода разрушает горные породы не только механически. Кислоты и щелочи, содержащиеся в ней, растворяют камень. Мягкие породы, например, известняк и гипс, растворяются быстрее, твердые породы — медленнее.

В трещинах накапливается пыль, песок, прорастают принесенные ветром семена растений. Корни их проникают в трещины и, утолщаясь с годами, действуют как клинья, откалывают большие куски. Мелкие лишайники и мхи выделяют из своих корешков кис-

лоты, которые разъедают поверхность даже твердых пород.

Несокрушимы, казалось бы, заоблачные горные вершины, где не растут даже лишайники, но и они постоянно и упорно разрушаются невидимыми глазу существами — микроорганизмами. У этих бактерий есть даже свои определенные вкусы: одни питаются только полевыми шпатами, другие бактерии пожирают только слюду. Разрушенный бактериями минерал превращается в пыль и песок. Ветер, подхватывая мелкие песчинки, ударяет о скалы, выбивает углубления на их поверхности.

На вершинах Северного Урала процессы разрушения протекают в условиях, близких к полярной зоне. Основным разрушителем горных пород здесь является так называемое «морозное выветривание», связанное с замерзанием воды в трещинах, особенно весной и осенью. Это характерно для Северного Урала — края суровой природы, где в течение дня и ночи в осеннее и весеннее время происходят резкие колебания температуры.

Периодическое замерзание воды и оттаивание льда в трещинах постепенно расширяет их до больших размеров. Они со временем превращаются в широкие проходы между камнями. «Морозное выветривание» создает интересные формы, прекрасным примером которых являются живописные руины на горе каменных идолов — Мань-Пупы-Нёр.

На месте этой горы когда-то был сплошной каменный массив, но могучие силы процесса выветривания постепенно разрушали породу, и от бывшего хребта сохранились лишь остатки в виде причудливых столбов — это сердцевина бывшего хребта, сложенная из наиболее крепких пород.

По мнению уральского академика Модеста Анисимовича Клера, у которого я получил консультацию,,

каменные фигуры на Мань-Пупы-Нёре образовались следующим образом. На значительной глубине от поверхности земли, под влиянием колоссального горного давления, создалась складчатая структура и образовались параллельные вертикальные трещины. В течение очень длительного — около двухсот миллионов лет — разрушения горного Урала слюдянокварцитовые сланцы обнажились на земной поверхности в виде острой гряды. Процесс выветривания постепенно расширял вертикальные трещины, и в результате гряда разделилась на цепь отдельных больших шиханов, камней-останцев.

Изо дня в день, из года в год, из века в век работали незаметные силы природы над разрушением этих камней. Последние остатки шиханов и представлены шестью столбами Мань-Пупы-Нёра. По-видимому, в недалеком геологическом прошлом столбов было больше, но они, разрушаясь, упали на восточный склон горы, образовав кварцевую россыпь. Фигуры состоят из твердой породы — кварца с примесью слюды, поэтому они меньше подвергались разрушительному действию и со временем обнажились из общей массы.

Здесь не трудился скульптор, все эти оригинальные формы создала природа, благодаря действию воды, ветра и температурных колебаний. Словно средневековые сторожевые башни стоят теперь останцы на Северном Урале. В нашей стране много причудливых фигур выветривания, но каменные болваны на горе Мань-Пупы-Нёр являются самыми оригинальными.

Из растительности на вершине горы имеются небольшие группы карликовых елочек. Встречаются и молодые кедры, занесенные сюда, очевидно, птицами кедровками. И что резко бросается в глаза — под самыми болванами рассыпаны лавины черники, в меньшей степени — голубики. Кустики этого ягодника

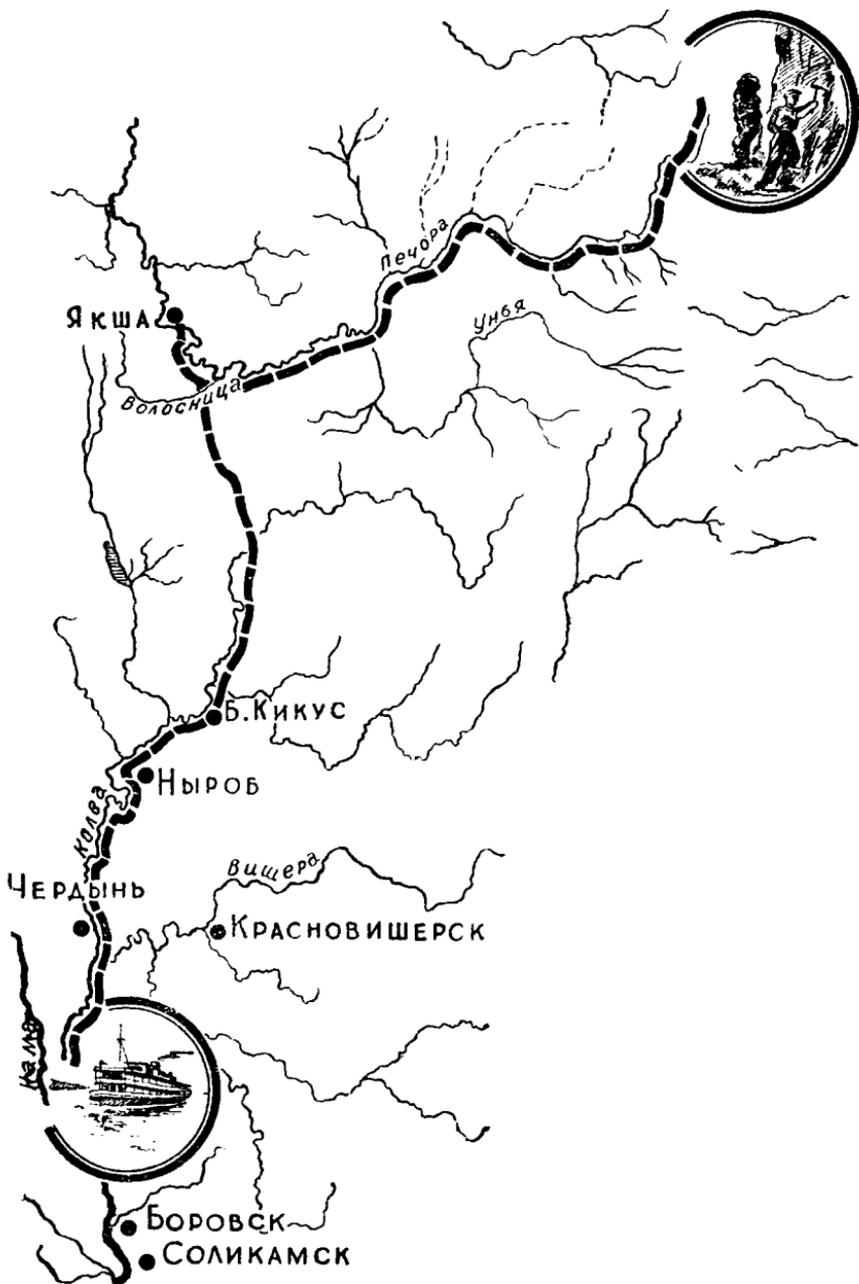
тоже карликовые. Лесные ягоды на вершине горы, на высоте 840 метров над уровнем моря! Все мы привыкли видеть чернику и бруснику обычно в сосновом бору, а голубику на болотистых местах. Но здесь они растут все вместе.

Столбы на горе Мань-Пупы-Нёр никогда еще не попадали в объектив кинокамеры. Всем известны Красноярские столбы, береговые скалы на реке Чусовой, каменные «бабы» под Бахчисараем, фигуры выветривания на Карадаге и каменные вигвамы Занизура в Армении. Все это очень интересно. Но фигуры у истока Печоры мало известны. На сотни километров вокруг тянется безлюдная тайга, и среди этой горной пустыни, как древний замок, стоит гора Мань-Пупы-Нёр со своими руинами. Даже «сахарная голова» Койпа, несмотря на то, что она выше, не так привлекает внимание, как эти причудливые останцы.

Каменные идолы на горе Мань-Пупы-Нёр являются бесценными памятниками природы, они уникальны, на всем Урале нет им подобных. Жаль, что в силу своей малодоступности и отдаленности они еще не служат объектами туристских экскурсий.

Не скоро, но придет время, когда Верхняя Печора станет более доступна любителям путешествий. Исчезнет бездорожье, туристские тропы пролягут возле каменных идолов. Поэтому важно уже сейчас помнить, что эти таинственные каменные создания должны быть сохранены на многие века, для будущих поколений.

Для страстных любителей природы и путешественников, направляющихся на Мань-Пупы-Нёр из Пермской области, к сожалению, можно рекомендовать только единственный путь — через Печоро-Илычский заповедник. Путь этот не легкий, но по своему туристскому комплексу — очень богат. Используя отпуск или летние каникулы, можно совершить увлекатель-

ное путешествие сначала на пароходе по Камскому морю, по Верхней Каме, по Нижней Вишере и Колве — до Чердыни, затем пешком по старинному волоку между Камой и Печорой до реки Волосницы, по ней на лодке до управления заповедником — в Якше — на Печоре. Из Якши по Верхней Печоре можно подняться на катере или лодке до речки Большой Порожной. А отсюда на Мань-Пупы-Нёр могут быть два пути: по берегам самой Печоры к истоку или по речке Большой Порожной на хребет Яны-Пупы-Нёр. С вершины хребта Яны-Пупы-Нёр как на ладони видны знаменитые болваны. Последний путь очень трудный: по горной местности, по глухой тайге и по берегам бурной речки. Первый путь тоже не легкий, но он все время проходит по Печоре.

Пусть не страшат туристов частые подъемы и спуски, трудные переходы по каменистым россыпям, по заваленной деревьями и заболоченной тайге. Тот, кто боится трудностей походной жизни, пусть не мечтает о Мань-Пупы-Нёре. Для таких лучшим маршрутом будет пешеходная тропа между Сочи и Мацестой...

Что касается меня, если я еще раз в жизни соберусь на Мань-Пупы-Нёр, то ни один из этих путей я не изберу, а пойду самой трудной и необычной дорогой. Какой? — это я оставляю пока в секрете.

* * *

На второй день нашего пребывания на горе утро выдалось пасмурным. Но к полудню небо прояснилось, на нем появились интересные облака. Наступил великолепный съемочный день — мечта кинооператора.

На этот раз мы повторили некоторые кадры. Сняли еще раз силуэты человеческого бюста, барана и кролика. Среди группы шести останцев удалось заснять много живописных кадров.

К вечеру на горизонте засверкали вспышки молнии. Удивительно быстро все небо покрылось темными клубящимися тучами, и на нас обрушились крупные капли дождя. Через минуту дождь внезапно прекратился, и мы оказались между двух мощных туч, из которых лились потоки воды. На горизонте сияла широкая лента просвета. Низко над столбами клубились свинцовые облака. В пейзаже было что-то сказочное.

Облака быстро уходили на восток, огненная полоса на горизонте становилась шире. Я настойчиво ждал интересного заката. Это наш последний вечер на Мань-Пуны-Нёр и его нельзя пропустить: для фильма «Каменные загадки» нужны кадры с эффектными закатами, чтобы больше подчеркнуть некоторую сказочность каменных фигур и их связь с легендами.

Минуты через две запад прояснился. Среди темных пятен облаков над самым горизонтом рубиновым диском сияло солнце. Небо окрасилось в пурпурный цвет. Темные силуэты семи каменных болванов отчетливо выделялись на этом интересном фоне. Это был сказочный заключительный кадр на горе каменных идолов. Таким он и вошел в фильм «Каменные загадки»...

Наступило 3-е сентября, день нашего выхода в обратный путь. В это время в горах Северного Урала дружно начинается осень. С Мань-Пуны-Нёра было видно, как тайга в долинах Печоры и Епры-Ляги обильно подернулась желтизной. Природа расцвела ярче, чем весной. На самой вершине, у каменных глыб, расстилались ковры полярных цветов арктоус альпина. Этот бледно-розовый цветок большими колониями украшает голые каменистые вершины. Над ярким цветным покровом живописно поднимаются серые фигуры причудливых скал. И здесь, в суровом краю, есть своя непревзойденная красота...

Сделана серия прощальных фотоснимков. Не хо-

чется уходить от столбов. Грустно видеть в последний раз эти чудные создания природы, которые мы, может быть, никогда больше не увидим. Наш проводник, постоянный житель этого края, и то попал сюда только через десять лет. Геолог Аргентовский был здесь ровно двадцать лет назад. Еще раньше, начиная с 1921 года, известный геолог профессор В. А. Варсанюфьева изучала верховья Печоры и неоднократно поднималась к удивительным столбам на Мань-Пупы-Нёре. Эта смелая женщина поднималась и к руинам «фантастического города» на горе Монинг-Тумп, что виднеется в туманной дымке за рекой Егра-Ляга. Об этих двух вершинах она оставила восторженные описания, в которых с большим удовольствием вспоминает былые путешествия по Северному Уралу.

Немногим довелось видеть эти странные творения. Мы подсчитали, что с 1843 года, когда здесь побывал русский геолог А. А. Кейзерлинг, к столбам поднималось только шесть групп. Наша съёмочная группа — седьмая.

Мы медленно шли рядом с лошадьми к своему лагерю. Я поминутно оборачивался, чтобы еще раз взглянуть на столбы, проводник тоже. Только Саша шел, наклонив голову, как я называл, с «тенденцией в землю». Меня всегда раздражало его равнодушие ко всему, кроме футбола. Может быть, ему было тоже немного грустно, но его вид совершенно не выражал этого.

Мы уходили от столбов все дальше и дальше, они уже стали скрываться за склоном горы. Я не вытерпел и крикнул Саше:

— Сашка, взгляни последний раз! Ты же никогда больше не попадешь сюда. Это бывает только раз в жизни.

Саша обернулся, бросил безразличный взгляд через очки в сторону камней и продолжал шествовать со своей «тенденцией».

Мы вернулись в лагерь и стали собирать вещи. Проводник и Саша убрали палатку, сворачивали спальные мешки, крепили на лошадях вьючные седла. Я занимался упаковкой снятого материала. Нужно было всю пленку уложить в коробки, завернуть в водонепроницаемые клеенки.

После трех дней, прожитых на склоне горы, жалко было покидать гостеприимное место с родничком. Каждое утро мы уходили отсюда, оставляя почти половину своих вещей, а вечером усталые возвращались, как в родной дом. Здесь было тихо, безветренно. Каменистый склон густо покрыт мхом, спать мягко. Рядом журчал вытекающий прямо из горы маленький ручеек со студеной и чистой водой.

Сборы закончены, и мы не спеша отправляемся в обратный путь. Пошли по тому же склону Мань-Пупы-Нёра, по тем же каменным россыпям. В тех местах, где обильно росла черника, останавливались. Сейчас, когда наши продовольственные запасы подошли к концу, мы не имели права пренебрегать этими ягодами. Проводник, до этого не обращавший на них внимания, теперь охотно ползал по земле, да еще приговаривал:

— Медведь жирной, когда много кушай это.

Даже наша лайка с удовольствием срывала с кустиков черные ягоды.

Спускаемся ниже, входим в тайгу. Через несколько километров выходим на берег Печоры. Печора в верховьях — горная река. Здесь в изобилии водится хариус. Из Ледовитого океана в верховья реки идет нереститься семга. За горой Койп, что виднеется вдаль, в Печору впадает бурный ее приток — речка Порожная. В прозрачных и холодных струях Порожной нерестится семга. Дней через десять, в середине сентября, начнется нерест. Интересно было бы заснять это

на кинолентку. Но мы не имеем возможности спуститься по Печоре до горы Койп: у нас нет времени.

И вот опять подъем по тайге к основному хребту Урала — Поясовому Камню. Тайга кончается, начинаются карликовые березы и каменные россыпи. Проходим нашу недавнюю стоянку у истока Печоры. Выпив по кружке чистой родниковой воды, прощаемся с этим ручейком и следуем дальше.

День клонится к вечеру. Солнце уже низко опустилось над горой Мань-Пупы-Нёр. Проводник посмотрел на запад и сказал, обращаясь ко мне:

— Сегодня харюзный яма не пойдем: далеко, нога устал.

— Где будем спать?

— Егра-Ляга хорошо: вода есть, лошадь сено кушай есть.

Проходя среди молодого березняка, наскочили на богатое грибное место. Несколько десятков молоденьких подосиновиков группками росли среди черничника. Я быстро наполнил оба кармана своих альпинистских брюк, собирать больше некуда. Проводник, наблюдая за моим занятием, усмехнулся:

— Манси это не кушай. Это кушай только русски.

— Подожди, Петр Ефимович. Придем Егра-Ляга, я тебя угошу.

— Моя тоже не кушай. Моя кушай глухарь, таймень.

— И я тоже не люблю грибов: глухарь лучше,— вставил всегда неразговорчивый Саша.

— У тебя губа не дура, Сашок, — сорвалось у меня.

Они с проводником пошли дальше. Что же делать с грибами?

Я снял ковбойку, перевязал ее в рукавах и на вофоте и стал собирать грибы, как в мешок. Ковбойка

быстро наполнилась. Взвалив ее на плечо, пошел за своими.

На облюбованном берегу Егры-Ляги мы устроили лагерь. Пока варился глухарь, убитый Петром Ефимовичем, я занимался грибами. Проводник с недоверием смотрел на мою работу. Мелко нарезанные подосиновики были промыты, уложены в кастрюлю и посолены. Старик и Саша ждали, нетерпеливо поглядывая на большую горку глухариного мяса.

Когда все было готово, жареные грибы были разложены по кружкам. Проводник взял ложкой гриб и попробовал, потом взял еще.

Проглотив несколько грибов, он замотал головой с выражением удивления на лице:

— Хорошо-о... Кусно, кусно.

Петр Ефимович с аппетитом съел две полные кружки грибов. Рано утром я сбегал еще раз в грибное место и набрал десятка три молоденьких красно-головики. Проводник с удовольствием ел грибы и запивал крепким, но не сладким чаем. Мы с Сашей отдавали предпочтение студеной воде Егры-Ляги.

Как только тронулись в путь, впереди залаял Паль.

Проводник толкнул меня локтем:

— Ходи стреляй своим «ружьем».

Я смонтировал камеру на штативе и побрел в ту сторону, откуда раздавался лай. Осторожно пробираясь между сосен, услышал какое-то воркование. Оно слышно было вверху, среди ветвей деревьев. Прежде всего нужно было увидеть Палю. Собака с визгом продолжала лаять. Хорошо, что наш пес белый, я сразу увидел его. Паль сидел у корней высокой и толстой сосны. Задрав морду вверх, он лаял и бил хвостом по земле. Среди ветвей сидели две глухарки и квохтали, как курицы. Паль, завидев меня, залаял с еще большим усердием. «Квох, квох», — раздавалось в ветвях.

Птицы, вытягивая шею, смотрели то на меня, то на Паля. Стараясь не делать лишних движений, очень медленно продвигаюсь к облюбованной для упора сосне. Наконец, достиг ее и прислонился к стволу плечом. Неожиданно обе глухарки срываются с места и с квохтанием перелетают на стоящее рядом сухое дерево. Усевшись на сучья, они испуганно вертят головами и смотрят в мою сторону. Я стою неподвижно, чтобы дать птицам успокоиться.

Глухарки вначале суетились, но, видя, что я не проявляю агрессии, спокойно уселись на сучьях. Теперь можно готовить аппарат к съемке. Осторожно поставил штатив, навел объектив на птиц. Они обе уместились в кадре. Все приготовления стараюсь делать быстро, чтобы не упустить момента. Глухарки спокойно следят за моими движениями. Паль теперь сидит рядом, не лает, а вопросительно поглядывает то на меня, то на птиц. Умница пес. Я снимаю два варианта и остаюсь довольным, что мои труды не пропали даром.

А глухарки тем временем сидят, подогнув под себя лапки, как куры на насесте, и не собираются улетать. Одна из них неподвижно смотрит в мою сторону, очевидно, следит. Другая сладко щурит глаза от ветерка, который раздувает у нее перья на затылке. Как можно убивать таких доверчивых птиц? Я был очень доволен, что нет со мной ружья. Это была бы не охота, а жестокое истребление.

Кого еще хотелось обязательно снять — так это рябчика. Притаившегося рябка одинаково трудно заметить как на дереве, так и на земле: раскраска оперения отлично маскирует его. Обычно рябчики обнаруживают себя тем, что шумно взлетают с земли. До чего проста задача охотника: «Взлетайте, рябчики, я все-равно услышу вас и увижу». Но с кинокамерой куда интереснее и сложнее. Это действительно охота.

Вот, послушайте, как достается человеку с киноаппаратом.

Оставив Сашу с лошадьми на берегу, я углубился в лес, где под деревьями расстилались красноватые ковры брусничника. Здесь наверняка обитают рябчики. Бесшумно передвигаясь, я зорко осматривался по сторонам. Рябчик не заставил себя долго ждать. Он с тревожным свистом поднялся как раз с того места, куда я смотрел особенно внимательно. Ему ответили таким же звуком еще несколько рябков. Я остановился и замер. Рябчик уселся на нижние ветви ели и следил за мной. Пришлось долго не шевелиться. Помня свою же заповедь — первый кадр снимать без промедления, я прицелился и отснял несколько метров. При шуме киноаппарата рябок вытягивал шею и с любопытством присматривался ко мне. Но это было не то, что я хотел.

Оставалось терпеливо ждать, стараясь не делать движений. Рябчик тоже сидел неподвижно и смотрел на меня. Мы привыкали друг к другу. Так длилось с минуту.

Очевидно решив, что я не опасен, рябчик мягко спрыгнул на землю и медленно побежал между кустиков брусники. На ходу он клевал ягоды и останавливался, чтобы взглянуть на меня. Я стал медленно преследовать птицу. Предательские сучья невероятно громко хрустели под ногами. При каждом таком хрусте рябчик боязливо оглядывался в мою сторону. Он перебегал от кочки к кочке, забирался на поваленные деревья и бежал по ним, потом спрыгивал, пропадая из глаз, и неожиданно появлялся в другом направлении. Уже и пот градом лил с моего лба, заливая глаза, и сердце учащенно билось, но я настойчиво гнался за рябчиком. Иногда птица останавливалась, долго смотрела на меня, потом снова пускалась в путь.

Тогда я ложился, упираясь локтями в землю, и снимал перебежку рябчика.

Неожиданно рябчик остановился среди кустиков брусники. Я быстро улегся на землю, прямо в мох поставил кинокамеру. Под шум аппарата рябок вытянул шею и, клюнув два раза брусничку, выбежал из кадра. Больше мне ничего и не нужно было...

От Егры-Ляги вскоре начался крутой подъем на хребет. Мы сравнительно быстро вышли на вершину главного водораздела. Перед нами открылась величественная панорама. Когда с хребта оглядываешь ее, взор невольно останавливается на каменных болванах на горе Мань-Пупы-Нёр. Среди холмистых вершин поднимаются семь громадных столбов, стоящих в один ряд.

И отсюда, со стороны Главного Уральского хребта, они производят очень сильное впечатление. Мы последний раз сфотографировались на фоне столбов и пошли дальше.

— Прощай, Мань-Пупы-Нёр! — крикнул я.

— До свидания, Мань-Пупы-Нёр! — крикнул Петр Ефимович. Он был, конечно, прав. Кто знает, может когда-нибудь придется еще раз посетить эти места...

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Вышли из печати:

А. Домнин, «Дикарь»

Н. Чернышев, «Западня»

А. Ромашов, «Лесные всадники»

Ю. Вылежнев, «На лосях»

Михаил Александрович Заплатан

НА ГОРУ КАМЕННЫХ ИДОЛОВ

Редактор А. М. Гравский

Художеств. редактор М. В. Тарасова

Техн. редактор А. М. Сычкин

Корректор Л. К. Каширина

Подписано к печати 1^ХII 1959 г.

Формат бумаги 60×84^{1/16}, 2 бум. л. 4 печ. л. Уч.-изд. 2,6 л. + 2 вклейки
ЛБ 18129. Тираж 90 000 экз. (00001—45000) Цена 1 р. 20 к.

2-я книжная типография облполиграфиздата.
Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 1217.